

Н. П. Юдина

**Л. Н. Толстой:
ПЕДАГОГИКА
КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ ЭТИКА**

УДК 371.4

ББК 74.03(2)

В статье рассматривается связь между этико-философским учением и педагогической концепцией Л. Н. Толстого, раскрывается педагогическое содержание основных понятий учения: практический человек, божественная любовь, самосовершенствование человека.

Ключевые слова: нравственная основа воспитания, цель воспитания, образование.

N. P. Yudina

**L. N. Tolstoi:
PEDAGOGY AS PRACTICAL ETHICS**

The article considers the connection between ethic-philosophical science and pedagogical conception by L. Tolstoi. It reveals the main ideas of learning: as practical person, divine love, self-development of a person.

Key words: moral basis of education, goal of upbringing, education.

Трудно найти в отечественной культуре фигуру более противоречивую и неоднозначную, чем Лев Николаевич Толстой. Писатель-художник — он был оценен в культуре как философ, историк; глубоко верующий человек — он был отлучен от Церкви; противник всяческого насилия — защищал принуждение в вопросах воспитания...

Сопоставление его высказываний подтверждают неоднозначность позиций мыслителя. Убедитесь.

Высказывание о том, что «школа должна иметь одну цель — передачу сведений, знаний, не пытаясь переходить в нравственную область убеждений, верований, характера; цель ее должна быть одна наука, а не ре-

зультат ее влияния на человеческую личность» [5. С. 230] соседствует с рассуждением о всестороннем влиянии школы на личность ребенка через свой «дух» — сложнейший иррациональный феномен, рождающийся в результате синтеза множества элементов, включая взаимоотношения детей и воспитателя.

Признание свободы в воспитании «критериумом педагогики», условием успешного развития ребенка, полной реализации им права на самореализацию: «непосредственное отношение к явлениям жизни требует полной свободы» [5. С. 236] вступает в противоречие с отрицанием свободы.

В вопросах воспитания нравственности Толстой встает на позицию авторитарную. Он утверждает: «Образование, имеющее своей основой религию, т. е. божественное откровение, в истинности и законности которого никто не может сомневаться, неоспоримо должно быть прививаемо народу, и насилие в том, но только в том случае законно» [5. С. 57].

Разность суждений отражает эволюцию взглядов мыслителя: прожив большую, наполненную событиями жизнь, много передумав, Толстой не мог не меняться в своих убеждениях. Как оригинальный мыслитель, он не мог избежать противоречий, которые, может быть, нарушают целостность его концепции, но и привносят в нее личностные черты, делают узнаваемой в ряду подобных.

Обращение Л. Н. Толстого к педагогике произошло в период роста общественной активности 60-х годов XIX века, когда интеллигенция об-

ратилась к «проблеме гуманизма» и «социальной теме» (Н. А. Бердяев). Их разработку легко понять, опираясь на топику национальной культуры, заданную константными связями: Восток — Запад, знание — вера, коллективизм (соборность) — индивидуализм. Эти понятия задавали границы ментального пространства, внутри которого «уживались», по мнению Н. О. Лосского, разные философские направления и социально-этические учения: материалистическая философия и религиозно-нравственные искания, народничество и нигилизм, славянофильство и западничество.

Этическое учение Л. Н. Толстого базируется на религиозно-нравственной концепции человека и развивает ее. Она интересна нам своим синкретическим содержанием: философия и этика, сливаясь в единое учение, искали практический выход. Он был найден в педагогике и в школе: работу в Яснополянской школе Л. Н. Толстой строил на основе своего учения.

Центральной темой в философствовании Л. Н. Толстого была тема человека и смысла его жизни. Так как человек представлялся философу социо-духовным существом, реализация которого зависит от степени напряженности духовной жизни, то и обозначенная тема разрабатывалась им в социальной и этической плоскостях.

Социальные вопросы казались Л. Н. Толстому важными в связи с существующим неравенством, причину которого он видел в собственности и «самой греховной» ее форме — собственности земельной. Преодоление всяческого неравенства Л. Н. Толстой

связывал с установлением таких форм общественной жизни, которые определяли бы «равенство всех членов мира», а одно из условий видел во всеобщем труде. Для представителей определенных общественных групп участие в труде становилось проблемой не только социально-экономической, но и этической, а готовность к нему — свидетельством физического и нравственного здоровья. Придание социальным проблемам этического колорита стало для Л. Н. Толстого толчком для поиска универсальных нравственных законов и принципов, которые позволили бы человеку жить в гармонии с собой и миром.

Этическое учение вырабатывалось Толстым в контексте религиозных исканий. Причиной обращения Л. Н. Толстого к религии был кризис, который мыслитель пережил на рубеже своего пятидесятилетия, когда ощутил несовместимость конечного человеческого существования и бесконечность мира. Однако искания всегда были не столько религиозной проблемой, сколько нравственной, решаемой на религиозной основе. Именно этический акцент в религиозных поисках позволил Л. Н. Толстому сделать вывод, что примирить смерть и бессмертие может вера, так как «сущность всякой веры состоит в том, что придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью» [4. С. 147].

Обретение веры стало итогом ре-
визии мировых религий: буддизма, конфуцианства, католичества, православия, протестантизма, ислама. Изучив их, Л. Толстой пришел к вы-

воду, что есть единый нравственный закон, который через религию несли людям «учителя человечества»: Лао-Цзы, Конфуций, Христос, Магомет, Лютер.

Универсальный нравственный закон был представлен Л. Толстым как «истинное христианство», «ясное, глубокое, простое...», отвечающее высшим потребностям человека», и поэтому могущее регулировать отношения человека к миру, определять его поступки и, следовательно, стать принципом духовно-нравственной жизни.

Ядром нового учения являлась любовь ко всем людям. Она «исчисляется» как дробь, где числитель — пристрастие к другим, а знаменатель — пристрастие к себе; следовательно, любовь к людям основана на самоотречении. Вследствие нравственного восхождения самоотречение человека трансформируется в самоутверждение, так как жизнь для других постепенно становится естественной потребностью человека. В увеличении любви и в построении Царства Божия на земле видел Толстой назначение человека. Но есть ли это конечная цель земного существования, человеку знать не дано: ее определяет Бог, человек же только верит в разумность божественной идеи и совершает поступки в рамках божественного предопределения. В такой интерпретации любовь как проявление естества человека замещается любовью — божественной волей, открывающей человеку его истинное благо.

На пути к всеобщей любви человек преодолевает разные противоре-

чия, главное из них — разлад между собственным «я» и обществом. Это, считает Толстой, может проистекать как от несовершенства общества, так и от несовершенства личности. Одно из проявлений несовершенства человека философ видит в разделении его общественного бытия на права и обязанности. Толстой утверждает, что такая дифференциация предполагает подчинение внутреннего «я» объективно необходимому и заставляет человека жить вопреки внутренним потребностям. Противоречие будет преодолено тогда, когда личность осознает необходимость как право. Это, в свою очередь, откроет путь к самосовершенству, т. е. совершенству перед самим собой и Богом. Этико-бытовым проявлением самосовершенствующегося человека, по Толстому, является естественное усвоение принципа «практического человека». «Практический человек» — это тот, кто ощущает потребность жизни для других, но при этом и сам «живет хорошо», т. е. испытывает этическое удовлетворение. Так в философии Толстого соединились принцип разумного эгоизма, квинтэссенция этики нигилистов, и христианская добродетель самопожертвования, придающая земной жизни человека характер подвига.

Движение по пути самосовершенствования, как его видел Толстой, начинается с определения идеи, т. е. цели жизни, отношений между личностью и обществом. Это определение отношений есть, по сути, выявление и освоение морали. Идея определяет образ жизни и должна соединяться с

практической жизнью, т. е. выражаться в делах, общественно значимых. Реализуя идею, человек установит такие отношения между конечным и бесконечным существованием, которые и выявят смысл его бытия. Если идея не подкрепляется образом жизни, то человек может быть «коррумпирован» (Л. Н. Толстой) обществом, что приведет к самообману и деформации личности, нарушению чистоты совести. Следовательно, принцип «практического человека» требует активности, умения отстаивать свои идеалы и в какой-то мере налагает на человека ответственность за совершенствование мира.

Таким образом, по Толстому, жизнь «есть благо», а «истинная жизнь» та, которая реализует принцип «практичного человека», наполнена всеобщей любовью, возведенной в закон, и стремлением к совершенству. Только человек, усвоивший это, способен к последующему возрождению и нравственному воскресению. Человек же по своей природе несовершенен, но нравственные усилия приведут его к пониманию блага.

Этическое учение Толстого содержит достаточно четкий ряд понятий: человек, жизнь, самоотречение, нравственность, любовь, самосовершенствование, полезная деятельность, служение. Доминантами в этом ряду являются человек и жизнь. В интерпретации Л. Н. Толстого они становятся ценностями, обогащаясь в самосовершенствовании человека. Динамика приводит к замещению идеи «жизнь есть зло» идеей-антиподом «жизнь есть благо», своеволия —

подвигом самоотречения и любовью, скепсис, порожденный позитивным знанием — верой, внутренний диссонанс от несовпадений личностных устремлений и общественных правил — целостностью взглядов и убеждений, внутренней гармонией. Смысл жизни, познанной как благо, заключается в служении человечеству, преумножении любви на земле и созидании общества равенства и братства, что, по сути своей, есть реализация предназначения, начертанного Богом. Долг человека в таком контексте — исполнить свою миссию, условием чего является признание универсальных нравственных законов. В логике этико-религиозного учения ценностью является сакральное знание, данное человеку как откровение.

Этическое учение содержательно перекликалось с педагогическими взглядами Толстого. В своих главных чертах они оформились во время активной работы в Яснополянской школе и отражены в статьях «О народном образовании» (1862), «О свободном возникновении и развитии школ в народе» (1862), «Воспитание и образование» (1862), «Об общественной деятельности на поприще народного образования» (1862), «Прогресс и определение образования» (1962). В 90—900 гг. концептуальные положения, наиболее значимые для Л. Н. Толстого, уточнялись. Это касается роли религии в образовании, соотношения научного знания и веры, пределов влияния на ребенка со стороны взрослого.

Л. Н. Толстой рассматривал педагогику как систему действий, посредством которых учитель внушает «детям

истинно нравственные, основанные на религиозных христианских началах, убеждения и привычки». В этом случае воспитание, образование и обучение утрачивают свои отличительные особенности и предстают как единый процесс, для обозначения которого Толстой использовал понятия «воспитание» и «образование». При этом сам педагог не делал различий между ними и считал, что всякое деление искусственно: «И воспитание, и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знаний, всякое же знание действует воспитательно» [5. С. 451].

Семантический анализ текстов показал, что Л. Н. Толстой, строя умозаключения в пределах педагогического дискурса рубежа веков, говорил о социально-культурном становлении ребенка, средствами которого являются целенаправленная передача «религиозно-нравственного учения» (направленное воспитание), освоение выработанного человечеством знания (учение) и способов практической деятельности («мастерства»).

В философско-педагогических изысканиях Л. Н. Толстого присутствуют две темы: Толстого-философа, как мы показали выше, интересовал духовный рост человека как таковой, Толстого-педагога — условия, способствующие духовному становлению. «Распадение» целостного объекта породило принципиальную проблему: как совместить духовное восхождение ребенка, соотносимое с абсолютной шкалой, с объективной необходимостью передавать ему достижения рациональной европейской культуры,

зафиксированные в научном знании, которое Л. Н. Толстой в силу своих мировоззренческих позиций считал «ложным».

В поисках разрешения осознаваемого им противоречия между содержанием религиозно-нравственного воспитания и прагматическими требованиями времени Л. Н. Толстой разрабатывал понятия «истинного знания» и «разумного образования». Он считал, что «истинное знание» порождается в результате освещения достоверного, необходимого в практической жизни и деятельности знания религиозно-нравственными положениями. Необходимость синтеза религии и знания Л. Н. Толстой обосновывал онтологическими характеристиками религии как формы общественного сознания. Педагог верил, что только она дает взрослым и детям «ответ на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого приходящего к сознанию человека. Первый: что я такое и каково мое отношение к бесконечному миру? И второй, вытекающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что всегда, при всех возможных условиях, дурным?» [5. С. 455].

Особенности «разумного образования» Л. Н. Толстой раскрыл в ряде своих работ начала XX века. Так, в статье «О воспитании», написанной в 1909 году для журнала «Свободное воспитание», мыслитель говорит, что это образование, которое выстраивается на общих для педагогов и воспитанников «основаниях». «Таким основанием всегда было и не может быть

не что другое, как одинаково свободно признаваемое всеми людьми общества понимание смысла и назначения человеческой жизни, то есть религия» [5. С. 452]. Образование должно быть по сути своей «свободным», когда свобода есть отсутствие принуждения, что «выгодно» и обучающим, и обучаемым; по результату — «плодотворным, т. е. содействовать движению человечества к все большему и большему благу», по содержанию — освобожденным от «произвольно выбранных, ненужных, несвоевременно передаваемых и даже вредных знаний» [5. С. 452].

Из характеристик образования, данных Толстым, видно, что совершенство образования связано с тем, чтобы «были переданы учащимся знания о самых важных и нужных предметах», чтобы «знания эти были доведены до относительно одинаковой степени»: подобно радиусам одной сферы «составляли гармоничное целое» [5. С. 453].

Исходя из собственного понимания принципа целостности образования, Л. Н. Толстой разработал систему школьных предметов. Он считал, что сущность «учения» заключается в «передаче того, что думали самые умные люди» [5. С. 446]. Содержание «учения» может быть систематизировано по двум основаниям: направления человеческой мысли и способы познания. Толстой считает, что во все времена человеческое мышление работало в трех направлениях: философские и религиозные рассуждения о значении человеческой жизни, экспериментальные исследования и наблю-

дения за явлениями природы, математическая обработка «своей мысли».

Средства и способы познания Л. Н. Толстой выделяет при помощи одного критерия: как эти средства способствуют установлению «братства людей». Соответственно им называется «слово», способствующее пониманию человека другими людьми; пластические искусства, передающие «для глаза то, что знаешь, другому»; музыка и пение, передающие «настроение, чувство» [5. С. 447]. Кроме этих знаний, всегда важно практическое «мастерство». Из рассуждений следует, что правильное преподавание «распадается на семь предметов» (культурных областей): философия и религия, естественно-научное знание, математика, языки, пластическое и музыкальное искусство, изучение ремесла. Какую часть времени уделять предмету, покажет «склонность каждого ученика», которая проявится «при полной свободе» каждого ребенка «дойти» до его возможных «пределов».

Время учения Толстой рассчитывал так. Человек бодрствует 16 часов в сутки, половина этого времени должна отводиться «на работу для себя, семьи и других», а вторая половина — 8 часов — отводится учению тому, к чему ребенка «тянет» [5. С. 448].

Если обучение/учение — это процесс рациональный, то воспитание педагог рассматривал как вживание ребенка в религиозно-нравственную идею. Объясняя механизм воспитательного влияния, Л. Н. Толстой исходил из того, что дети всегда находятся в состоянии «гипноза», т. е.

легко внушаемы. Это налагает большую ответственность на взрослых: воспитывая и обучая, они сознательно внушают детям важные истины и влияют бессознательно всем своим образом жизни. При этом «воспитание, бессознательное внушение, есть самое важное» и нужно, «чтобы вся жизнь воспитателя была хорошей» [5. С. 446].

Поиски средств воспитания открыли Толстому значение слова, проясняющего религиозно-нравственное сознание ребенка и помогающего ему ответить на «вечные неизбежные вопросы». Педагог обратился к сокровищницам мировой культуры (античность, арабская, персидская, индийская, китайская, иудейская, русская литература) и составил сборники «Круг чтения» (1903, 1908), охарактеризованные им как «избранные, собранные и расположенные на каждый день мысли многих писателей об истине жизни и поведении» [3]. Эти подборки составили основу его бесед с мальчиками яснополянской школы в 1907 году. Л. Н. Толстой считал, что беседы, посвященные объяснению нравственной категории и осмыслению ее, обладают огромным педагогическим потенциалом [2]. Объясняя методику проведения бесед, Л. Н. Толстой писал: «Собрав выраженные разными мыслителями нравственные истины и изложив их доступным детям в возрасте 10 лет языком, я разделил их на отделы и каждый день читал детям по одной мысли из одного очерка отдела и, прочтя, просил их повторить своими словами прочитанное, разъясняя непонятное и отвечая на вопросы, вы-

званные чтением». Отделов педагог выделил «около 20»: Бог; жизнь в воле Бога; человек — сын Бога; разум; любовь; совершенствование; усилие; мысли; слова; поступки-дела; соблазны внутренние; соблазны внешние; смирение; самоотречение; непротивление; жизнь в настоящем; смерть; жизнь — благо; вера. «Истин» было отобрано более 700, «так что если разложить их по дням, то на каждый день придется по 2».

Содержание «Круга чтения» и та роль, которую Л. Н. Толстой отводил религиозно-нравственным беседам, «высвечивают» сущность концепции педагога, ядро которой образовывало слово. Изначально рациональное и информативное, оно открывало возможность для освоения ребенком общечеловеческой знаковой системы. Диалоговое взаимодействие учителя и ребенка способствовало расширению смыслового пространства и, в конечном итоге, формированию представлений о смысле жизни. Таким образом, слово в педагогической системе Толстого становится синкретическим средством, открывающим ребенку истину и указывающим возможности приближения к ней, а учитель, в чьих руках это средство находится, помогает ученику познать свое предназначение. Мы можем сказать, что в педагогическом опыте Л. Н. Толстого нашел воплощение феномен, сегодня получил название «гуманитарной парадигмы».

Итак, Л. Н. Толстой искал возможности практической реализации своего религиозно-нравственного учения. Оно наполняло педагоги-

ческую «технологии» сакральными представлениями о божественной природе человека и его предназначения. В таком контексте становление человека, по Толстому, есть приобщение к абсолютной идее (у мыслителя — постижение божественной любви). Механизм становления предполагает бессознательное перенимание ребенком образцов жизни и сознательное формирование им нравственного «кодекса». Роль взрослого в этом процессе велика: он выступает Учителем, влияя на ребенка своим образом и своей жизнью, и учителем, объясняющим и комментирующим универсальные законы нравственного существования, апеллируя к сознанию и чувству своего питомца. Во второй ипостаси учитель выступает посредником между абсолютными законами, содержащимися в культурном наследии человечества, и ребенком, идущим по пути освоения истины. Он организует «образование» как освоение мудрости человечества, зафиксированной в философии, религии и науке, способов глубинной коммуникации и способов практической деятельности.

В своем педагогическом опыте и философствовании Толстой предложил решение проблемы о соотношении веры и знания, индивидуальности человека и абсолютности нравственных истин, право и обязанность. Нам представляется, что мыслитель не смог найти выход из противоречия, который бы устранил его самого; в рассматриваемый период он отдавал предпочтение религиозно-нравственному учению перед научным знанием, веря, что это путь реализации

предназначения человека создавать на земле общество любви и братства. Современники увидели в педагогике Л. Н. Толстого «великое уважение к человеку, теплую любовь к ребенку, защиту человеческого разума, стрем-

ление вдохновить, а не притупить разум знанием, внимание к ученику, бережность к его самобытной мысли, чуткость ко всей духовной жизни ученика, вечное ученичество учителя» [1. С. 20].

Список литературы

1. Дурылин, С. Н. Л. Н. Толстой как школьный учитель / С. Н. Дурылин // Свободное воспитание. — 1910—1911. — № 6. — С. 13—40.
2. Толстой, Л. Н. Беседы с детьми по нравственным вопросам / Л. Н. Толстой // Свободное воспитание. — 1907 — 1908. — № 1. — С. 13—22.
3. Толстой, Л. Н. В чем главная задача учителя (из беседы с народным учителем) /

Л. Н. Толстой // Свободное воспитание. — 1909—1910. — № 3. — С. 1—6.

4. Толстой, Л. Н. Исповедь: Собр. соч. в 22 т. / Л. Н. Толстой. — М. : Художественная литература, 1986. — Т. 16. — С. 106—166.

5. Толстой, Л. Н. Педагогические сочинения / Л. Н. Толстой // Сост. Н. В. Вейкшан. — М. : Педагогика, 1989. — 544 с.